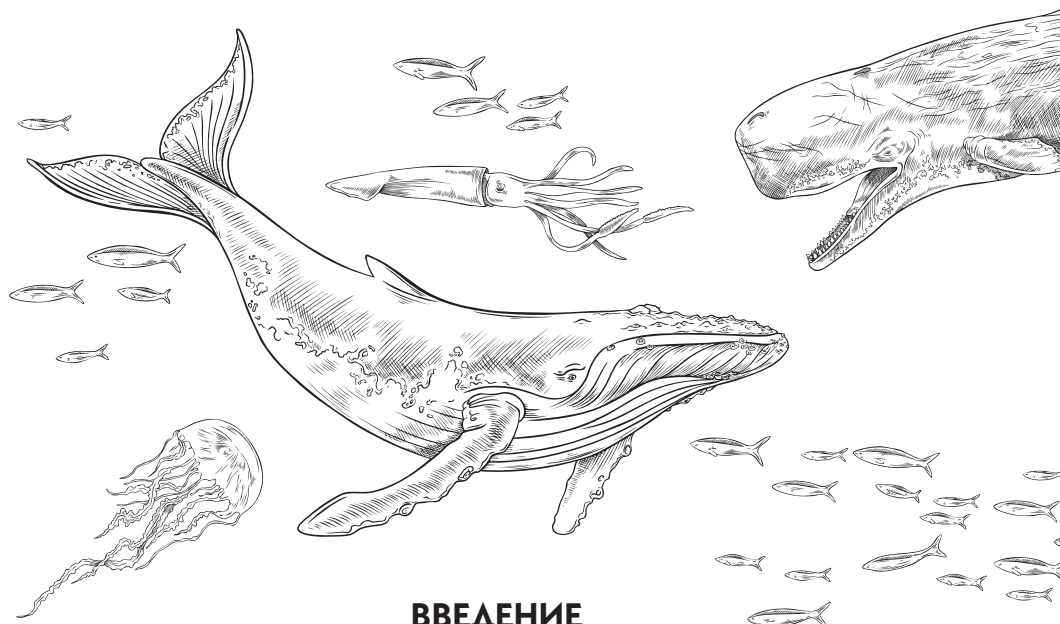

Простая наука для детей

Игорь Акимушкин

Следы НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ

Аванта

ВВЕДЕНИЕ

В сентябре 1957 года японские зоологи исследовали пойманного китобоями морского зверя. Зверь оказался ремнезубым китом, неизвестного науке вида. Китом!

Находка эта символична. Во второй половине XX столетия, когда человечество, создав сверхскоростные ракеты, смело устремилось в космический мир, у нас дома, на Земле, вдруг обнаруживаются такие недосмотры — «непримеченные» киты! Как видно, животный мир нашей планеты исследован еще далеко не так хорошо, как об этом обычно говорят. За последние полвека пресса не раз оповещала читателей о неведомых птицах, зверях или рыбах, обнаруженных где-либо в джунглях тропического леса или в глубинах океана. А сколько крупных

зоологических открытий вообще не было замечено широкой публикой! О них знают только специалисты.

Чем объяснить, что природа все еще преподносит натуралистам неожиданные сюрпризы?

Дело в том, что на Земле много труднодоступных, еще почти не поддающихся обследованию мест. Одно из них — океан. Едва ли не три четверти земной поверхности покрыто морем. Около четырех миллионов квадратных километров морского дна погребено в чудовищных глубинах свыше шести тысяч метров. В их мрачные пределы орудия лова, изобретенные человеком, вторгались всего лишь несколько десятков раз. Подсчитайте: приблизительно одно глубоководное траление на 40 тысяч квадратных километров морского дна!

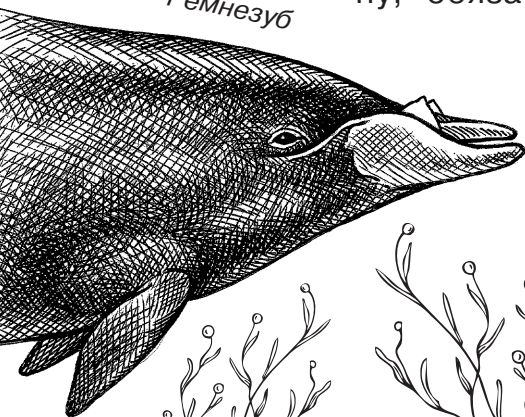
Несоизмеримость этих цифр лучше всяких слов убеждает нас в том, что океанские глубины до сего дня фактически не исследованы.

Не удивительно поэтому, что буквально каждый трал, опущенный на значительную глубину, обязательно приносит со дна моря неизвестных специалистам животных.

В 1952 году американские ихтиологи тралили в Калифорнийском заливе и выловили даже

Ремнезуб

здесь не менее 50 разновидностей неведомых им рыб. Но поистине непочатый край самых неожиданных находок открылся советским ученым, проникшим в океанскую пучину при помощи новейшего оборудования научно-исследовательского судна «Витязь». Всюду, где им приходилось работать: и в Тихом, и в Индийском океанах, открывали они неведомых рыб, осьминогов, моллюсков, червей.

Даже на Курильских островах, где и раньше побывала не одна экспедиция, советские ученые (С. К. Клумов и его сотрудники) сделали неожиданные открытия. На острове Кунашир обнаружили ядовитых змей. До этого считалось, что на Курилах водятся лишь неядовитые полозы. Здесь же нашли неизвестных прежде тритонов, древесных лягушек и сухопутных пиявок совсем особого вида.

Зоологи «Витязя» извлекли со дна моря еще более необыкновенных существ — фантастических погонофор. Это животные, которых природа «забыла» наделить наиболее необходимыми для поддержания жизни органами — ртом и кишечником!

Как они питаются?

Самым невероятным образом — при помощи щупалец. Щупальца и ловят пищу, и переваривают ее, и всасывают питательные соки, которые по кровеносным сосудам расходятся во все участки тела.

Погонофоры

Еще в 1914 году у берегов Индонезии поймали первого представителя погонофор. Второго обнаружили у нас в Охотском море 29 лет назад. Но ученые долго не могли найти этим странным созданиям подходящее место в научной классификации живой природы.

Лишь исследования «Витязя» помогли собрать достаточно обширные коллекции уникальнейших существ. Изучив эти коллекции, зоологи пришли к выводу, что погонофоры не принадлежат ни к одной из девяти крупнейших зоологических групп — так называемых типов¹ живот-

¹Большинство зоологов разделяют животный мир на следующие типы: 1) простейшие (амебы, инфузории и другие одноклеточные); 2) губки; 3) кишечноротовые (медузы, кораллы); 4) черви; 5) червеобразные (мшанки, плеченогие); 6) моллюски (улитки, ракушки, осьминоги); 7) членистоногие (раки, пауки, насекомые); 8) иглокожие (морские звезды, морские ежи); 9) хордовые (асцидии, рыбы, лягушки, змеи, птицы, млекопитающие).

ного царства. Погонофоры составили особый, десятый, тип. Так необычно их строение.

Погонофор стали обнаруживать сейчас во всех океанах, даже в Северном Ледовитом. Распространены они по всему свету и, видно, совсем не редки на дне моря. А. В. Иванов, ленинградский зоолог, которому наука обязана наиболее тщательными исследованиями погонофор, пишет, что эти животные чрезвычайно изобильны во многих местах своего обитания. «Тралы приносят здесь массу населенных и пустых трубок погонофор, забивающих мешок трала и даже висящих на раме и тросе».

Почему же до самого последнего времени столь многочисленные существа не попадались в руки морских исследователей? А поймать их нетрудно: погонофоры ведут неподвижный образ жизни.

Да потому не попадались, что ученые только еще начинают по-настоящему проникать в глубины океанов и морей. Безусловно, нас ожидает здесь множество самых удивительных открытий. Пока изучена лишь незначительная часть морских животных. Самые крупные и подвижные обитатели глубин вообще не могут быть пойманы обычными орудиями рыболовных и экспедиционных судов. Тралы, сети, невода для этого просто не годятся. Вот почему некоторые исследователи говорят: «В океане все возможно!»

Есть на земле еще одно место, где перед натуралистом с первых же шагов открываются многообещающие возможности. Но проникнуть в его тайны не легче, чем в океанскую бездну. Не глубины и даже не заоблачные высоты охраняют это место, а совсем другие препятствия. Их великое множество, и все они опасны.

Речь идет о тропическом лесу. Суровая Антарктида прославилась своей недоступностью. Но в ее снегах, хотя и с невероятными трудностями, можно передвигаться на специально оборудованных машинах. В тропическом лесу любой вездеход застрянет у самого старта.

До финиша человек здесь может добраться, пользуясь лишь средством передвижения, данным ему от природы. Какие в пути предстоят ему испытания, мы узнаем из следующей главы.

ЧЕРНЫЕ КОШМАРЫ И «БЕЛЫЕ ПЯТНА» ДЖУНГЛЕЙ

УЖАСЫ «ЗЕЛЕННОГО АДА»

«Кто-то сказал, — пишет Аркадий Фидлер¹, — что для человека, вступающего в джунгли, бывает только два приятных дня. Первый день, когда, ослепленный их чарующим великолепием и могуществом, он думает, что попал в рай, и последний день, когда, близкий к сумасшествию, он бежит из этого зеленого ада».

Чем же так ужасен тропический лес?

Представьте себе безбрежный океан гигантских деревьев. Они растут так тесно, что их вершины переплелись в непроницаемый свод.

Причудливые лианы и ротанги густой сетью опутали и без того непроходимые дебри. Ство-

¹Аркадий Фидлер — известный польский путешественник и писатель. На русском языке изданы его книги «Зов Амазонки», «Тайна Рио-де-Оро» и др.

лы деревьев, узловатые щупальца лиан поросли мхами, гигантскими лишайниками. Мох всюду — и на гниющих стволах, и на малюсеньких, с «носовой платок», клочках не занятой деревьями земли, и в мутных ручьях и ямах, наполненных густой черной жижей.

Нигде нет ни пучка травы. Всюду мхи, грибы, папоротники, лианы, орхидеи и деревья; деревья — чудовищные исполины и тщедушные карлики. Все теснятся в борьбе за свет, лезут друг на друга, переплетаются, перекручиваются безнадежно, образуя непролазную чащу.

Вокруг господствует серо-зеленый сумрак. Не видно ни восхода, ни солнечного заката, ни самого солнца на небе.

Никакого ветра. Ни самого слабого дуновения. Воздух неподвижен, как в оранжерее, насыщен парами воды и углекислого газа. Пахнет гнилью. Сырость невероятная — до 90—100% относительной влажности!

И жара! Термометр днем почти всегда показывает 40°C выше нуля. Жарко, душно, сыро! Даже деревья, их жесткие, точно восковые, листья покрылись «испариной» — крупными каплями сгустившихся паров влаги. Капли набегают одна на другую, падают с листа на лист никогда не перестающим дождем, всюду в лесу звенит капель.

Лишь у реки можно дышать свободно. Пробив брешь в чудовищном нагромождении живых и мертвых деревьев, река несет в затхлую пучинную дэбрэй прохладу и свежесть.

Вот почему все экспедиции, проникавшие в глушь тропического леса, шли в основном по рекам и по их берегам. Даже пигмеи бамбути, которые, по общему мнению, лучше других народов приспособлены к жизни в лесных дэбрях, избегают далеко уходить от речных долин, этих «столбовых дорог» тропического леса. Бродячие, так называемые лесные индейцы, вроде племени кампа, тоже не углубляются далеко в страшную «сельву»¹. В своих передвижениях по лесам Амазонии они в общем следуют вдоль рек и лесных протоков, которые служат им ориентирами.

В самые глухие уголки тропического леса еще не ступала нога человека.

А эти «уголки» не так уж малы. На три тысячи километров в глубь материка, от Гвинеи до вершин Рувензори, сплошным массивом протянулись тропические леса Африки. Их средняя ширина — около тысячи километров. Протяженность лесов Амазонии еще значительно больше — свыше трех тысяч километров с востока на запад и две тысячи километров с севера на юг — семь миллионов квадратных километров, две трети

¹ Местное название южноамериканского тропического леса.

Европы! А леса Борнео, Суматры и Новой Гвинеи? Около 14 миллионов квадратных километров суши нашей планеты занимают непроходимые лесные дебри, мрачные, душные, сырые, в зеленом сумраке которых «притаились безумство и ужас».

О СЕЛЬВА, СУПРУГА БЕЗМОЛВИЯ, «МАТЬ ОДИНОЧЕСТВА И ТУМАНОВ»!

«Какая злая судьба заточила меня в твою зеленую тюрьму? Шатер твоей листвы, как огромный свод, вечно над моей головой... Дай мне уйти, о сельва, из твоего болезнетворного сумрака, отравленного дыханием существ, которые агонизируют в безнадежности твоего величия. Ты кажешься огромным кладбищем, где сама превращаешься в тлен и снова возрождаешься... Здесь монотонный хрип жаб, подобный хрипу больных водянкой, глушь нелюдимых холмов, гнилые заводы на лесных реках. Здесь плотоядные растения усыпают землю мертвыми пчелами; отвратительные цветы сокращаются в чувственной дрожи, а сладкий запах их пьянит, как колдовское зелье; пух коварной лианы слепит животных,

Венерина мухоловка

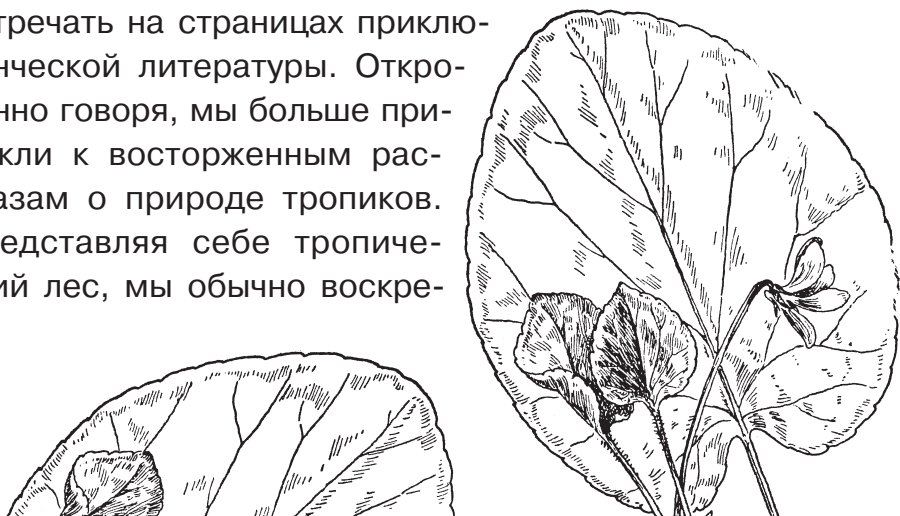
Здесь плотоядные растения усыпают землю мертвыми пчелами; отвратительные цветы сокращаются в чувственной дрожи, а сладкий запах их пьянит, как колдовское зелье; пух коварной лианы слепит животных,

прингамоса обжигает кожу, плод куруху снаружи кажется радужным шаром, а внутри он подобен едкой золе; дикий виноград вызывает понос, а орехи — сама горечь...

Сельва, девственная и кровожадно-жестокая, нагоняет на человека навязчивую мысль о неминуемой опасности... Органы чувств сбивают с толку разум: глаз осязает, спина видит, нос распознает дорогу, ноги вычисляют, а кровь громко кричит: «Бежим, бежим!»

Я не знаю более выразительного описания гнетущего впечатления, которое производит на человека девственный лес! Автор этого отрывка колумбиец Хосе Ривера хорошо знал «кровожадную, жестокую сельву». Участвуя в работах смешанной пограничной комиссии по урегулированию спора между Колумбией и Венесуэлой, он немало времени провел в первобытном лесу Амазонской низменности и испытал все его ужасы.

Поражает контраст между этим мрачным описанием тропического леса и восторгами перед его красотами, которые часто приходится встречать на страницах приключенческой литературы. Откровенно говоря, мы больше привыкли к восторженным рассказам о природе тропиков. Представляя себе тропический лес, мы обычно воскре-

шаем в памяти картины сказочного величия девственной природы: причудливое переплетение лиан, огромные и яркие цветы, сверкающих, как самоцветы, бабочек и колибри, раскрашенных, словно елочные украшения, попугаев и зимородков. Всюду яркое солнце, чудесные краски, оживление и звонкие трели. Красота чарующая!

Так-то оно так: во всем здесь бездна красоты, только не следует ни лежать, ни сидеть на этой преисполненной жизни земле. Можно лишь постоянно двигаться.

«Попробуйте, — пишет исследователь Африки Стенли, — положить руку на дерево или растянуться на земле, присесть на обломившийся сук, и вы постигнете, какая сила деятельности, какая энергичная злоба и какая истребительная жадность вас окружает. Откройте записную книжку — тотчас на странице садится дюжина бабочек, пчела вертится над вашей рукой, другие пчелы норовят вас ужалить в самый глаз, гудит перед ухом оса, перед носом снует громадный слепень, и целая стая муравьев ползет к вашим ногам: берегитесь!

Передовые уже залезли на ноги, быстро взбираются наверх, того и гляди запустят свои острые челюсти в ваш затылок... О, горе, горе!»

Очень неприятны мелкие пчелы. Ни читать, ни писать, ни есть невозможно,

сетует Стенли, если преданный человек все время их не отгоняет. Они норовят ужалить в глаз, но, впрочем, лезут и в уши, и в ноздри.

В числе других «неприятностей» этот исследователь упоминает фараонову вошь, или, по-местному, джиггер. Она откладывает яйца под ногтем большого пальца ног. Ее личинки расползаются по всему телу, «превращая его в скопище гнойных струпьев».

Маленький жучок тоже забирается под кожу и колет, точно иголкой. Всюду большие и малые клещи и сухопутные пиявки, которые сосут кровь бедных путешественников, а ее «и так немного осталось». Бесчисленные осы жалят так, что доводят человека до иступления, а если набросятся всей стаей — то и до смерти. Тигровая улитка падает с ветвей и оставляет на коже вашего тела «ядовитый след своего присутствия, так что вы от боли корчитесь и кричите благим матом». Красные муравьи, нападая по ночам на лагерь, не дают никому спать. От укусов черных муравьев «испытываешь муки ада». Муравьи всюду! Они залезают под одежду, падают в кушанья. Проглотишь их с полдюжины — и «слизистые оболочки желудка будут изъязвлены».

